

Studios оперного режиссера

Первое, всем понятное, слово написано по-итальянски не только для красоты слога, ведь и по-русски оно звучит почти так же, но потому, что слово пришло к нам из страны, где родилась опера.

*А еще потому, что этот язык музыки изучают в Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского. И консерватория, и опера имеют к нашему сегодняшнему герою и собеседнику самое непосредственное отношение. Первая как *alma mater*; вторая как любимая профессия. Впрочем, консерватория соединила для Павла Коблика обе линии его жизни, в которой дата 13 мая 2020 года отмечена «круглым» числом прожитых лет — шестидесятилетием.*

Строго говоря, студия — одна: Оперная студия Уральской консерватории. Заведующий кафедрой музыкального театра, профессор Павел Коблик руководит ею уже 15 лет и 30 лет преподает в УГК. Давным-давно не студент, в его творческом списке более 80 постановок. Среди них «Волшебная флейта» Моцарта, «Дочь полка» Доницетти, «Богема» Пуччини в екатеринбургском театре Урал Опера Балет, «Любовный напиток» Доницетти, «Мадам Баттерфляй» Пуччини и «Паяцы» Леонкавалло в Хабаровском краевом музыкальном театре, а в консерватории — оперы Стравинского, Орфа, Мусоргского, Чайковского, Россини, Перселла, Моцарта, Доницетти, Верди, Римского-Корсакова, Рахманинова, сочинения для оперной сцены Максима Баска, Евгения Кармазина, наших современников, екатеринбуржцев... Всего и не перечислишь. Признанием режиссер-постановщик, профессор Коблик тоже не обойден. Не только аплодисментами публики. Четырежды стал лауреатом премии губернатора Свердловской области, трижды награжден премией Союза театральных деятелей РФ имени

народного артиста СССР Б. А. Покровского и воспитал учеников, которые также не раз получали премию Покровского, выступая в его постановках, — за успешное постижение профессии.

И все-таки — studios! Во множественном числе и во всех смыслах: место, где занимаются искусством, высокая школа, где искусством образуются люди, к нему причастные... Таких студий у Павла Ивановича было несколько. Первая — в семье.

В домашнем альбоме есть одна из самых памятных для юбиляра фотографий: 9 мая, будущий оперный режиссер с отцом-фронтовиком, пехотинцем, перенесшим два тяжелых ранения, участником прорыва блокады Ленинграда. Павел Иванович рассказал, что, пройдя войну, Иван Павлович Коблик, учившийся до нее

в музыкальном училище, в мирное время свое стремление к музыке не оставил. Выступал в разных театрах, а однажды случай направил его в новый театр закрытого города Челябинск-40 (позже Челябинск-65, теперь Озерск)...

— «Случай» был с именем: дирижер симфонического оркестра Авиэзер Абрамович Боровик. Он видел папу на сцене, запомнил его и позвал в музыкальную труппу театра. Мой отец стал ведущим артистом театра и в Озерске познакомился с мамой, преподавателем в музыкальной школе. Этой встрече и своим появлением на свет я в какой-то мере обязан Авиэзеру Боровику, отцу знаменитого журналиста-международника Генриха Боровика и деду не менее известного внука, тоже журналиста Артема Боровика.

У нас в семье есть еще один Иван Павлович Коблик — сын. Но не музыкант, решили «не мучить ребенка», который в детстве склонности к музыке не

Павел
КОБЛИК

С отцом-фронтовиком в День Победы

На репетиции

проявлял. Иван стал юристом, а его увлечение – рэп, выступает и даже популярен среди поклонников этого жанра.

– Как наш мир тесен и непредсказуем – старая истина, подтверждаемая жизнью. Вы росли в театрально-музыкальной «детской» и первые впечатления от театра были...

– Впечатления были настолько сильными, что обернулись смешным курьезом. Меня, двухлетнего, привели смотреть «Свадьбу в Малиновке». Папа играл красного командира Назара Думу, а когда в него стали стрелять бандиты, я закричал, порывался убежать. Ну, как-то все обошлось, занавес из-за меня не закрыли, «Свадьба...» шла своим чередом. Но с тех пор я очень не любил выстрелы на сцене.

– А первая услышанная-уиденная вами опера, которая вызвала «огнестрельное» ощущение – помните ее?

– Я рос в закрытом небольшом городе, слушал оперу на виниловых пластинках, смотрел по телевизору. Когда увидел

постановку «Пиковой дамы» в Большом театре, то был неожиданно разочарован. Слушая оперный альбом, я не скучал ни минуты, представлял, как все это прекрасно может быть на сцене, и вот... А первым настоящим оперным впечатлением-потрясением – вживую – для меня, тогда студента музыкального училища, стал «Петр Первый» Андрея Петрова в Свердловс-

ком театре оперы и балета. За дирижерским пультом стоял маэстро Евгений Колобов.

– Наверное, с фантазией под оперную музыку и начало пробуждаться режиссерское желание создать по-своему?

– Может быть.

– И тем не менее, вы окончили музыкальное училище в родном городе, потом с красным дипломом Уральскую кон-

Сцена из поставленного в УТК «Севильского цирюльника» Россини

Дуэт из оперы Евгения Кармазина «Белые ночи»

серваторию у профессора Веры Михайловны Мезриной как музыковед. Вам сейчас не кажется, что стоило сразу идти в ГИТИС на оперную режиссуру?

– Совсем не считаю те годы учебы «лишними». Думаю, что знание и доскональное понимание музыкального текста, истории и теории музыки необходимы режиссеру, ставящему оперу. Чтобы твой самый затейливый

замысел, желание поэкспериментировать не были в ущерб той музыке, которую написал композитор. А в ГИТИС я все-таки пришел – не на первый курс снова, а в ассистентуру-стажировку на кафедру режиссуры музыкального театра.

Моим руководителем был профессор, народный артист СССР Георгий Павлович Ансимов. К слову сказать, первоначально

я планировал поступать на курс режиссуры музыкального театра в наш театральный институт. Тогда этот курс возглавлял народный артист СССР Владимир Курочкин. Однако, поступив в ГИТИС, я все же пересекся с Владимиром Акимовичем, который как раз к тому времени уже был приглашен в Москву в качестве главного режиссера Московской оперетты и профессора ГИТИСа. Довелось даже готовить и проводить открытый урок на курсе, мастером которого он был.

– В вашей семье есть еще один музыковед – директор Уральского музыкального колледжа (музыкальной школы-десятилетки при УГК) Эльвира Глебовна Архангельская, ваша жена...

– Мы учились вместе в консерватории, и теперь Эля частенько, по моей просьбе, выходит на сцену Оперной студии со вступительным словом к нашим спектаклям. Эта сцена для нас не чужая с первых лет учебы. Студии уже сорок лет, еще студентом я с удовольствием включался в подготовку спектаклей как помощник и ассистент режиссера. Студия за годы менялась, но всегда была необходимостью в ней, как неотъемлемой части консерваторского образования, воспитания профессионалов. С 2004 года я ее художественный руководитель, и, по моим ощущениям, студенты воспринимают свою работу в студийных спектаклях как праздник. Ждут премьер, волнуются, очень хотят играть.

– Вместе со студентами в ваших постановках выступают профессионалы, известные солисты театра Урал Опера Балет, Театра музкомедии, филармонии. Как вам удается их уговорить?

Опера «Джанни Скикки» Пуччини на консерваторской сцене

— Не приходится уговаривать, ведь они — выпускники Уральской консерватории. Надо только, чтобы позволял их артистический график в театрах. А для студентов участие рядом с ними в спектакле — и радость, и бесценная школа. Мне только жаль, что сейчас на кафедре музыкального театра профессиональных оперных дирижеров и режиссеров становится все меньше... За 80 лет существования нашей кафедры воспитателями будущих актеров музыкального театра в большинстве своем были специалисты оперного жанра, имеющие за своими плечами огромный практический опыт. Сейчас обстоятельства кардинально изменились. У нас есть прекрасные преподаватели из Театра музкомедии, а вот из оперы — увы...

— Сейчас, как у всех, в Оперной студии перерыв — нет репетиций, но планы наверняка есть?

— Надеюсь, пауза не будет долгой. В планах восстановление «Сорочинской ярмарки» Мусоргского. Премьеру мы показали в ноябре прошлого года — в дни юбилея композитора и нашей консерватории, которая носит его имя. Снова хотелось бы обратиться к «Евгению Онегину» Чайковского, к опере Кирилла Молчанова «Зори здесь тихие», и чтобы Достоевский, чей 200-летний юбилей в будущем году, пришел на сцену Оперной студии, как это было с «Белыми ночами» Кармазина... Но мы не репертуарный театр, и многие наши артисты-студенты заканчивают учебу, придут новые. Какие? Время покажет.

— Прочитую вам вас же: «Для меня в режиссуре присутствует цель быть верным характеру, замыслу и музыке композитора, создать легкий, изящный, непринужденный, нескучный спектакль, то есть быть вместе с Россини...». Так оперный режиссер Павел Коблик говорил в одном из интервью, когда «Севильский цирюльник», награжденный позже губернаторской премией, был еще в процессе репетиций. Это высказывание распространяется не только на Россини, но и на все ваши оперные постановки? Это — кредо?

Фрагмент спектакля «Дидона и Эней» Пёрселла

— В основном — да, но всякий раз по-разному. В творчестве, в живой классической музыке нет ничего застывшего намертво, незыблемых «железобетонных» стандартов. Пожалуй, очень важное для меня кроется в одной истории, о которой написал когда-то Борис Николаевич Покровский. Расскажу ее своими словами...

И рассказал. Когда молодой режиссер Борис Покровский, ярко проявивший себя в качестве главного режиссера Горьковского оперного театра, был впервые приглашен в 1943 году на работу в Большой театр, главный дирижер ГАБТа Самуил Самосуд не без иронии спросил его: «Идете ли вы в своей работе от музыки?» Покровский был возмущен полным равнодушием к себе и лениво-высокомерным тоном беседы. Обдумывая, как достать обратный билет в Горький, он с вызовом ответил: «Нет!» И вдруг Самосуд заразительно расхохотался: «Правильно, дорогой мой, а то все объявляют, что идут от музыки, и действительно ушли от нее очень далеко!..»

«Свадьба Фигаро» Моцарта в консерватории